

ОТЗЫВ

на автореферат диссертации Павла Викторовича Алексеева «Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук. Специальность 10.01.01

UNIWERSYTET
JAGIELLOŃSKI
W KRAKOWIE

Проблемы, затронутые в докторской диссертации П.В. Алексеева, относятся к числу самых актуальных. В последние два десятилетия повысился интерес, с одной стороны, к «вечной» антиномии Запада и Востока в русской мысли и русской художественной литературе, с другой стороны, русская литературоведческая наука начала осваивать методы изучения колониального и постколониального дискурса, а с третьей – умы историков и теоретиков литературы продолжают занимать вопросы имагологии и мифопоэтики, как в плане имманентного рассмотрения русского литературного процесса, так и в плане сравнительно-исторического изучения литератур разных народов.

Диссертация П.В. Алексеева с полным успехом вписывается во все вышеупомянутые направления исследовательского поиска. Более того – ее автор впервые в истории мировой науки о литературе ставит и в значительной степени решает проблему русского ориентализма – его происхождения, связи с западноевропейской литературной традицией, его неповторимой специфики, связанной как с иной по сравнению со странами Западной Европы или Азии геополитической ситуацией России, с особой сетью культурных контактов и со своеобразием русской ментальности. После работ М. Тодоровой и П.В. Алексеева спор о возможности применения концепции ориентализма Э.В. Саида к русской литературе окончательно решился в пользу двух последних. Нельзя не согласиться с принципиальным положением автора диссертации, согласно которому «некоторые из убеждений Саида и его последователей, проверенные на практике, могут быть применены к комплексному анализу литературного процесса, но должны основываться на том, что русская литература – самостоятельное духовное явление, имеющее разнообразные истоки своих восточных компонентов и обладающее внутренней логикой их развития» (с. 16).

Я в полной мере согласен с мнением П.В. Алексеева о том, что нельзя рассматривать творчество русских классиков «в качестве иллюстрации к колониальному мышлению эпохи без учета всей сложности и амбивалентности эстетического отношения русской национальной культуры к Востоку как колыбели поэтического языка, эпического нарратива и европейской духовности и одновременно объекту колониальной экспансии» (с. 16). Концепт «Восток» в самом деле был принципиально амбивалентен, так как «русская национальная культура приобретала на него одновременно имперские и мифопоэтические права, требуя внимательного отношения к его народам, пересмотра колониальной политики и сочувствия их национально-освободительным движениям». (с. 17).

Докторская диссертация П.В. Алексеева обладает рядом достоинств методологического характера. Обращает на себя внимание глубокая продуманность основных проблем, комплексный взгляд на предмет исследования, умение видеть разные, зачастую противоречащие друг другу стороны русского ориентализма и мифопоэтики восточного текста, принципиально диалогическая направленность исследовательского видения, а также удивительная способность создавать и удачно применять как уже использовавшиеся, так и вновь вводимые термины. В качестве примера можно было бы привести термин «внутренний Ориент» для обозначения невеликорусского культурного пространства Российской империи (Украины, Крыма, Кавказа, Сибири и т.п.), изображаемого в литературе как экзотическое и условно восточное по сравнению с петербургско-московским «центром». В связи с вышеупомянутым феноменом необходимо отметить важное открытие П.В. Алексеева: по его мнению, культура великорусского крестьянства рассматривалась писателями в качестве составной части «внутреннего Ориента». Подобную и совершенно справедливую мысль я встретил только раз – в статье А.П. Скафтымова, посвященной философии истории в романе Л.Н. Толстого

Wydział Filologiczny

Instytut Filologii

Wschodniostowiańskiej

30-059 Kraków

ul. Reymonta 4

tel. 12 421 48 76

fax 12 421 48 76

www.ifw.filg.uj.edu.pl

«Война и мир» и написанной в 1920-х годах. Ее автор, однако, усматривал в имагологии русского крестьянина аналог «естественного человека» Руссо. П.В. Алексеев же вполне обоснованно указал на «ориентальность» стереотипного образа мужика по сравнению с нормами послепетровской дворянской культуры, ориентированной на Запад. Это открытие явилось как следствие важной исследовательской догадки: и в просветительском, и даже в романтическом сознании русского образованного человека концепт «Запад» противопоставлялся концепту «Восток» по принципу оппозиции цивилизованности и нецивилизованности (с. 6); в качестве варианта возможна также оппозиция образованности и невежества. Эти оппозиции пытались опровергнуть антипросветители – славянофилы, а позднее народники (к примеру, Н.К. Михайловский в статье «Десница и шуйца Льва Толстого»), но даже в двадцатом веке представление об «ориентальной» душе крестьянина оставалось в силе, хотя и подверлось справедливой релятивизации.

В целом достоинства представленной к защите диссертации сводятся к тому, что ее автору в первые в истории литературных исследований удалось описать основные черты русского ориентализма, доказать факт существования восточного текста русской литературы, реконструировать и проанализировать некоторые его существенные составляющие, относящиеся главным образом к первой половине XIX века.

Позволю себе также высказать несколько критических замечаний.

Во-первых, можно только сожалеть, что автор диссертации отказался от построения теоретической модели русского ориентализма, хотя такой исследовательский маневр был бы весьма целесообразным при описании ориенталистской концептосферы. Коль скоро П.В. Алексеев так часто ссылается на культурологические труды Ю.М. Лотмана, он вполне мог бы использовать лотмановскую методику моделирования имагологических конструкций и показать, из каких семантически валентных элементов (образов, мотивов, топосов и т.п.) состояла семиосфера русского ориентализма романтической поры, каким образом они были связаны между собой и какую модель (какие альтернативные модели) в конечном счете образовывали. Первое, на что в связи с этим можно обратить внимание – это проблематика органичной духовности (пантеистической или спиритуалистической), коннотируемая с Востоком и противопоставляемая западному рационализму, эмпиризму и меркантилизму. Второе – это проблематика «восточного» фатализма, связанная, среди прочего, с ориентальной интерпретацией исторической необходимости в философии Гегеля, особо популярной в 1830-е – 1840-е годы.

Во-вторых, в автореферате диссертации недостаточно четко обоснован выбор литературной эпохи, ставшей предметом исследования. Известно, что ориентальная составляющая отечественной имагологии возростала не только в первой половине XIX, но также в первой половине XX века, а также в более ранние эпохи, например, во второй половине XVII века. Было бы небезынтересно проследить диалектику взлетов и падений интереса к Востоку в зависимости от смены культурных и ментальных кодов.

В-третьих, большим разочарованием было то, что автор диссертации практически обошел молчанием концепцию Востока в поэме «Мцыри», а в особенности в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Разумеется, об отношении «демона нашей литературы» (В.В. Розанов) к фатализму – и восточному, и русскому, и, как мне представляется, кантовско-гегелевскому, написано немало, но ведь о гениальном авторе всегда можно написать «по-другому», открывая всё новые и новые грани его творчества. Было бы еще интереснее, если бы автор диссертации заметил и проследил то, что, по моему мнению, изучено недостаточно – лермонтовскую деконструкцию кавказского ориентально-романтического мифа. А ведь именно подобная деконструкция была одной из важнейших творческих задач автора «Героя нашего времени». Мое замечание, хотя в меньшей степени, относится также к анализу раннего Гоголя: как было бы интересно, если бы П.В. Алексеев проанализировал механизмы

гоголевской перекодировки реального представления о родной Украине в романтический миф о ближнем Oriente с последующей деконструкцией собственного идиллического концепта.

В-четвертых, спорным представляется мне суждение автора о том, что стремление к универсализму было важнейшим отличием русского ориентализма от его западных аналогов (с. 14). На мой взгляд, нет оснований утверждать, что ориентализм Байрона и тем более Гёте менее универсален, чем ориентализм Пушкина или Гоголя. Стремление к универсализму было характерно как для Просвещения, которое накладывало общую «всемирную» (и антиисторическую) мерку к разным, непохожим друг на друга культурам, так и для романтизма, который хотя и открыл категории историзма и национальности (национального духа), но стремился к глобальному, а точнее, универсальному охвату материи и духа в целом, выдвигая принцип единства во многообразии. П.В. Алексеев прав в том, что русские романтики и ранние реалисты, прошедшие сквозь романтическое горнило, имели возможность вообразить и изобразить Восток менее шаблонно, с большей степенью полифоничности, чем их западные собратья по перу, но последние не в меньшей степени придавали универсальное значение создаваемому ими концепту Востока.

Автореферат соискателя позволяет сделать заключение о диссертации как о законченном исследовании, в котором решена важная историко-литературная проблема. Одновременно автореферат диссертации свидетельствует об индивидуальном вкладе ученого в решение выбранной для исследования проблемы. Если судить по автореферату, диссертация видится целостным, завершенным, продуманным и апробированным исследованием, выполненным на современном, высокопрофессиональном уровне. Считаю, что П.В. Алексеев безусловно заслуживает присвоения ему искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Василий Георгиевич Щукин,

доктор филологических наук (специальность 10.01.01 - русская литература),

профессор,

заведующий кафедрой русской литературы Средневековья и Нового

времени

Ягеллонского университета (г. Краков, Республика Польша)

Щукин Василий Георгиевич, доктор филологических наук (специальность 10.01.01 – русская литература, титулярный профессор, профессор кафедры русской литературы Средневековья и Нового времени Ягеллонского университета (г. Краков, Республика Польша).

Адрес: ul. Świątego Sebastiana 36/13, 31–051 Kraków, Polska /Poland/ Польша

e-mail: wszczukin@vandex.com

Подпись Щукина В.Г. заверяю.

Начальник деканата филологического факультета
Ягеллонского университета

Люцина Кужидло

Kierownik Sekretariatu
Wydziału Filologicznego UJ
mgr Lucyna Tarnowska-Kurzydło

Краков, 8 февраля 2016 г.

3

UNIWERSYTET
JAGIELLOŃSKI
W KRAKOWIE

Wydział Filologiczny

Instytut Filologii

Wschodniosłowiańskiej

UNIWERSYTET JAGIELLOŃSKI
Wydział Filologiczny
Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej
ul. Reymonta 4, 30-059 Kraków
tel./fax: 12 421 48 76

UNIWERSYTET JAGIELLOŃSKI
Wydział Filologiczny
31-007 Kraków, ul. Gołębia 24
tel. 12 422-11-03

30-059 Kraków

ul. Reymonta 4

tel. 12 421 48 76

fax 12 421 48 76

www.ifw.filg.uj.edu.pl